

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ — ПРОГРЕССИВНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ИЛИ УМЕСТНЫЙ КОНФОРМИЗМ?

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ МЭРИ МАКОЛИ «ДЕТИ В ТЮРЬМЕ»

Виктория Шмидт

МЭРИ МАКОЛИ. ДЕТИ В ТЮРЬМЕ. М.: ОГИ, 2008. ПЕР. С АНГЛИЙСКОГО
Е. МИШКИНЮК. 216 С. ОРИГИНАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

Мэри Маколи — автор нескольких книг о Советском Союзе, в том числе о политике в отношении обеспечения прав. В марте 2008 года она представила новую книгу «Дети в тюрьме» — об истории и современном состоянии проблемы подростков, вошедших в конфликт с законом. Название книги повторяет название сборников, которые выпускал центр «Тюрьма и воля». Здесь тоже есть прямая речь тех, кто находится в местах лишения свободы.

По мысли автора, издание адресовано тем, кто принимает решения относительно развития системы служб для подростков, вошедших в конфликт с законом. Задача книги — убедить в необходимости реформировать систему правосудия и исполнения наказания для подростков.

Автор дает свое видение проблемы ювенальной юстиции, которое основывается на ее предыдущих исследованиях, в том числе о значимой роли личности в истории. Автор сохраняет преданность историческому методу и стремится реализовать междисциплинарный и партиципативный подход к решению исследовательской задачи. Тем удивительнее выводы, к которым она приходит и с которыми мне трудно согласиться.

ОБЩЕСТВО ИЛИ ВЛАСТЬ: КТО ГАРАНТИРУЕТ РЕФОРМУ?

Государство — основной актор социальной политики, именно оно должно взять на себя ответственность. Таков основной посыл книги Маколи. Анализируя эпоху Хрущева, автор отмечает: функции надзора были переданы псевдообщественным организациям (профессиональные службы созданы не были), что стало одним из источников провала политики в отношении несовершеннолетних (с. 71–72). Маколи утверждает, что и сегодня, несмотря на усилия общественных организаций, задача интеграции подростков не может быть решена силами некоммерческого сектора. Между тем именно общество должно играть роль того, чей голос должен быть услышан, поскольку, в интерпретации Маколи, люди давно готовы к гуманизации системы мер в отношении подростков, вошедших в конфликт с законом.

Именно поэтому Мэри Маколи полагает, что следует рассматривать опыт стран «с государственной социально-поддерживающей ориентацией и ... тем, что можно назвать бюрократическо-государственной тра-

дицией» (с. 138). Странно, что при таких критериях автор не обращается к опыту Франции, ювенальная юстиция которой существенно выделялась до последнего времени в системе уголовного правосудия и характеризовалась патерналистской позицией служб. Не совсем ясно также, почему Германия отнесена автором именно к данному типу устройства: современный организационный дизайн ювенальной юстиции этой страны сложился в движении от обобщения успешной практики к законодательной инициативе (Dünkel 2004). Наконец не совсем понятно, почему современная Россия соотносится с такими контекстами, как наличие социально поддерживающей ориентации и бюрократической традиции.

Автор противопоставляет рестриктивную политику (ориентированную на наказание) политике социальной защиты. В книге используется калька «велферизм» — от английского «welfarism». Поскольку нет развернутого определения того, что составляет суть этой политики (готовность рассматривать любое политическое действие с точки зрения его вклада в благополучие человека), можно смело предположить, что для многих русских читателей «велферизм» станет понятием, тождественным «реабилитации». Переводчик именно так и определяет «велферизм»: «В отношении преступников это означает: использовать “воспитательные или иные методы, направленные на воспитание добра, а не на вызывание мести. Цель приговора — не травмировать человека, не наказать его, не принести боль, а помочь ему”» (с. 19).

Между тем альтернативы рестриктивной политике разнообразнее той, что так пристально рассматривается Мэри Маколи. Современные исследователи выделяют три типа альтернативы наказательной модели уголовного правосудия: это декриминализация уголовного правосудия (активно продвигаемая ЮНИСЕФ), восстановительное правосудие и классическая ювенальная юстиция, основанная на идее государственного патернализма. Более того, и уголовное правосудие в современном толковании — это не только система полиции, суда и исполнения наказания, но и все те неформальные и формальные институты, которые обеспечивают оптимальный ход уголовного процесса. И тогда возникает резонный вопрос: может быть, имеет смысл изменять систему уголовного правосудия именно в части тех институций, которых так не хватает для развития состязательности и прозрачности свершения правосудия? Ведь та модель, которую предлагает автор, как и любая другая альтернативная модель правосудия, в первую очередь предполагает активное развитие социальных сервисов сопровождения и пробации. И отсутствие подобных сервисов или их неэффективное функционирование станет неременной причиной провала любой реформы правосудия в отношении несовершеннолетних.

Формирование ювенальной юстиции любой страны встроено в развитие уголовного правосудия и социальных служб. Опыт многих стран убеждает в том, что чем больше регуляции ювенальной юстиции отличаются от уголовного правосудия, а службы для подростков в конфликте с законом — от служб помощи семьям и детям в целом, тем быстрее наступает кризис развития ювенальной юстиции. Большинство развитых стран отличаются высоким уровнем согласованности ювенальной юстиции и уголовного правосудия, ювенальной юстиции и социальных служб в целом (Шмидт 2007).

Автор пишет о том, что лишение свободы не вариант решения проблемы подростков, вошедших в конфликт с законом. Вместе с тем многие значимые контексты уголовного правосудия и социальной сферы не становятся предметом анализа. Например, современная социальная работа в России отличается игнорированием потребности семей, излишним фокусированием внимания на детях и тем, что Нэнси Фолбр обозначает как придание им статуса общественного блага (Folbre 1994). Введение классической модели ювенальной юстиции только закрепит эти нежелательные тенденции и ограничит развитие иных форм социальной помощи, основанных на гуманистических идеях (Шмидт 2006).

Не стоит игнорировать и российскую тенденцию к усилению рестриктивной направленности уголовного правосудия. На этом фоне намерение смягчить правосудие для несовершеннолетних может привести к последствиям, аналогичным кризису ювенальной юстиции в США 60–70-х годов прошлого века. Если бы эти контексты были приняты во внимание, возможно, автор бы пришел к иным выводам относительно возможностей государственной воли в изменении ситуации с подростками, вошедшими в конфликт с законом.

Подчеркивая роль государства, автор последовательно проводит мысль о том, что общественных усилий не только не хватает: зачастую они приобретают формальный характер. Убежденность автора основыва-

ется на вере в волюнтаризм государства: «Нет ничего, что заставляло бы Америку продвигать карательную позицию, а Швецию — оставаться на позициях велферизма» (с. 134). Не будем останавливаться ни на том, что все государства благосостояния испытывают давление либеральной модели, а значит, и усиление рестриктивной модели правосудия, ни на том, что велферизм велферизму рознь. Но важным остается вопрос контекстов. А так ли свободно государство в выборе траектории своей социальной политики? И насколько безграничен набор альтернатив?

Автор обращается к весьма значимым контекстам развития ювенальной юстиции, таким как готовность общества отвергнуть тех, кто неудобен, пробелы в работе социальных служб и давление либерализации в том или ином проявлении. Однако это далеко не полный перечень контекстов, кроме того, роль даже этих факторов, к сожалению, не учтена в должной степени. Мэри Маколи искренне полагает, что государство (вернее, чиновники высшего уровня) может волевым решением изменить ход социальной политики. Однако неясным остается масштаб распространения подобного волевого решения. Это применимо только в отношении тюрем, СИЗО и спецшкол или государство поменяет всю социальную политику? Автор не встраивает проблемы ювенальной юстиции системно в контекст социальной политики, и потому ответ на этот вопрос найти не удалось.

В книге немало прямой речи: и тех, кто содержится в местах лишения свободы, и тех, кто осмысляет проблемы подростков, вошедших в конфликт с законом. Временами чтение этих цитат освежает, временами утомляет. Иногда оно вызывает любопытство, например относительно того, о чем же нужно спросить, чтобы получить такой ответ: «Несправедливо, когда подросток отвечает в суде за совершение какого-либо преступления. Поэтому создать общество, в котором подросток не сможет совершить преступления, когда у него не будет для этого никаких мотивов, мне кажется, высшая цель справедливости» (с. 169). Цитатник, которым оперирует автор, — перспективный материал для изучения разнообразных проявлений патернализма в отношении подростков и их окружения. И явный патерналистский пафос большинства высказываний автор упускает.

А потому напрашивается вопрос: «Каковы риски реформы ювенальной юстиции в стране, которая настолько проникнута духом патерналистского отношения к детям?» И почему согласованное принятие патерналистских установок со стороны власти, специалистов и независимых экспертов, столь очевидное при чтении выдержек из интервью, не настораживает автора? Тем более что сама Мэри Маколи, опираясь на до-революционные изыскания российских криминологов, указывает на то, что не существует обществ, в которых нет поводов для совершения противоправных действий (с. 43). То есть автор отдает себе отчет в том, что никакие реформы не приведут к минимизации уровня преступности, хотя патерналистские реформы направлены именно на это.

Легко полагаться на власть, особенно если от этой власти не зависишь, вернее, зависишь исключительно как внешний эксперт, для которого принятие идеи другими, желательно самыми важными и заметными, становится знаком отличия, несомненным показателем эффективности экспертной работы. Однако разделяют ли в таком случае эксперты ответственность за последствия реформы, которую они предлагают?

ПРОФЕССИОНАЛЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ: СЛУГИ ГОСУДАРСТВА ИЛИ НЕЗАВИСИМЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ?

Мэри Маколи уповаet на власть и профессиональные службы — например, пробацию, или социальную службу, или реорганизованную комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНЗП). Не совсем понятным остается вопрос о том, как будут найдены профессионалы для новых и обновленных служб, которые появятся в результате реформы. С одной стороны, автор мимоходом указывает на возможность переобучения опытных сотрудников колоний — воспитателей, психологов, социальных работников. С другой стороны, Маколи считает возможным преобразовать существующую систему КДНЗП, отдав комиссиям функцию координации и профилактики. На вопрос, каким же будет дизайн служб в целом, как будут взаимодей-

ствовать разные специалисты, что может препятствовать их взаимодействию, ответ в книге найти трудно. Между тем опыт развития служб пробации Великобритании, основанный на идее объединения служащих полиции и социальных работников, дает немало поводов задуматься над тем, что происходит при объединении специалистов с разными установками и разным опытом деятельности.

Несомненно, Маколи полагает, что если государство выберет правильный путь, то ничто не помешает профессионалам с энтузиазмом встать на позиции исполнителей прогрессивного политического курса. Однако как же быть с независимостью помогающих специалистов как условием соблюдения общественного интереса? Например, уже сейчас в России есть специалисты, которые не поддерживают концепцию классической ювенальной юстиции, это в основном сторонники восстановительного правосудия. В США негативные последствия классической ювенальной юстиции были уравновешены участием независимого юридического сообщества, которое уделило немало внимания анализу нарушения прав детей в системе юстиции для подростков, но в России такой силы нет. Поэтому если ювенальная юстиция в редакции автора будет введена, то некому будет противостоять ее негативным последствиям. Ни одна социальная политика не обходится без изъянов и пробелов, которые и должны уравновешиваться общественным движением. В противном случае реформа обречена на бездумное развитие и провал.

Если автор исходит из того, что самое главное — вывести подростков из системы институтов уголовного правосудия, то почему не представлен анализ той сферы, куда должны быть отправлены, по мнению Мэри Маколи, эти подростки (например, анализ возможностей и ограничений системы формальных и неформальных институтов, которые и призваны заниматься реабилитацией)? Почему достаточным кажется критический анализ системы исполнения наказания? Ведь предполагается не ее преобразовать, а развить систему альтернативных служб, а ее анализа в книге практически нет.

Мэри Маколи убедительно показывает себя сторонницей детоцентрированного подхода. Но такие важные темы, как необходимость работы с семьей подростка, актуальность преобразования системы квазисудебных органов (органы опеки и попечительства, медико-психолого-педагогические комиссии, которые сейчас монопольно принимают решения относительно судьбы ребенка), не рассмотрены. Возможно, из-за этих пробелов автор занимает довольно неоднозначную позицию относительно комиссий по делам несовершеннолетних и их прав. Указывается на возможность передачи КДН некоторых функций служб пробации — сопровождения условно осужденных и освободившихся подростков. Но отсылки к другим составляющим системы служб и институтов, занятых проблемами детей и подростков, нет.

Остается неясным, каким видится автору ландшафт социальных служб. Не дикой же прерией, в которой «скачут» сами по себе отдельные региональные проекты? А если именно таким и видится ландшафт (с. 111), то каковы перспективы декриминализации — задачи столь высокого приоритета, с точки зрения Мэри Маколи?

ЧЕРНЫЙ ПИАР — УБЕДИТЕЛЬНАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ ИЛИ ИСТОЧНИК СТИГМАТИЗАЦИИ?

На основании проведенного исследования Мэри Маколи делает вывод о том, что общество поддержит реформу в отношении подростков, вошедших в конфликт с законом. В качестве аргумента выдвигается тезис о том, что люди очень плохо относятся к колониям и считают, что лишение свободы необратимо портит жизнь человека (с. 182–183). Можно провести аналогию между отношением к детским домам, детям из учреждений и колониям, а также к тем, кто в них находится. И колонии, и детские дома видятся гражданам как ужасные учреждения, а те, кто в них попадает и некоторое время находится, — как безвозвратно потерянные для нормальной жизни.

Однако стигматизация учреждений не добавляет гражданам желания как-то помочь тем, кто в них попадает. Как показывают опросы общественного мнения, отрицательное отношение к детским домам не способствует стремлению как-то содействовать интеграции детдомовцев в общество. Чем хуже выглядит

учреждение в глазах обывателя, тем выше готовность считать тех, кто попал в учреждение, безвозвратно потерянными. И если подростка с завтрашнего дня за кражу мобильного телефона перестанут отправлять в тюрьму, то скорее всего сосед по подъезду скажет, что раньше бы его в тюрьму посадили и все равно зона по нему «плачет» и «доплачется», а не кинется помогать подростку хотя бы тем, что будет относиться к нему с пониманием.

Опросу, на результатах которого выстроены выводы в книге Маколи, не хватает вопроса о том, что сами люди готовы делать для тех, кто находится в местах лишения свободы, или что и почему они уже сделали для заключенных-подростков или для тех, кто в группе риска совершения правонарушения. Без таких «контрольных» вопросов трудно оценить активность людей. Готовность к переменам складывается не только из оценок, пусть и самых рефлексивных, но и из активности граждан.

Рекламные кампании, пропагандирующие институт семейного устройства детей-сирот, в основном строятся на основе стигматизации детских домов. Опыт такого подхода в социальной рекламе убеждает в том, что «черный» образ учреждения распространяется и на тех, кто в нем работает и находится. Отношение не должно порождать стереотипы. И из того что люди в очередной раз поймут, что колония или детский дом не лучшее место на земле, не следует готовность людей к иному, поскольку это «киное» требует конструирования новых реальностей (таких как центры дневного пребывания для проблемных подростков, активизация сообщества вокруг семей в ситуации риска, службы, которые бы вдумчиво относились к потребностям семей, а не смотрели на семьи как на ресурс или ограничение в реабилитации ребенка). Поэтому, когда автор формулирует миссию планируемого проекта — «вырвать детей из когтей системы уголовного правосудия» (с. 190), остается неясным, кто захочет иметь дело с теми, кто был «исцарапан» этой системой? И насколько уместна аналогия между юстицией и хищником?

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСЫ: ТУРИЗМ ИЛИ РАСКОПКИ?

Значительная часть материалов выстроена в духе исторического экскурса, потому что автор полагает ход истории чем-то прогрессивным. Не случайно Мэри Маколи настойчиво говорит о том, что еще сто лет назад в России было сформировано аргументированное мнение о вреде и бесполезности лишения свободы. Но есть и другая причина: обращение к истории является весьма привлекательным ходом для большинства представителей силовых ведомств и структур в России, которые, как и многие другие официальные теоретики социальных проблем, предпочитают изучать вопросы социальной помощи и уголовного права со времен Киевской Руси. Эта академическая традиция наверняка известна Мэри Маколи, и она понимает, что следует оперировать аргументами, которые будут понятны и приняты основными потенциальными акторами реформы.

Однако каков практический результат исторических упражнений Мэри Маколи, которые занимают значительную часть книги? С одной стороны, автор пребывает в растерянности от тенденций эпохи постмодерна, которая включена в исторический анализ Маколи. В частности, рассуждения Дэвида Гарланда о либерализации как факторе усиления карательного подхода (Garland 2001) интерпретируются ею как обоснования новых общественных норм. Ведь признанные следствия либерализации, такие как усиление наказательности в ювенальной юстиции большинства стран Европы, сводят на нет идею прогрессивного развития ювенальной юстиции. Наоборот, скорее ювенальная юстиция проходила через самые разные кризисы и регулярные откаты в сторону рестриктивной модели правосудия. Но тогда проделанный анализ прежнего хода развития ювенальной юстиции не соотносится с последующим исследованием современных российских норм. Ничего из прежнего не осталось и в помине, и возникает вопрос: зачем так много времени уделять истории?

Поступательный характер развития ювенальной юстиции, как и любой социальной институции, — по большей части миф. Ретроспективный анализ требует иных акцентов, например того, как формировались стигмы относительно проблем подростков с законом, как эти стигмы перекочевывали из эпохи в эпоху, как

трансформировалось общественное мнение относительно проблем подростков. Такой акцент позволит соотнести макроуровень политики в отношении подростков, вошедших в конфликт с законом, с поведением специалистов в повседневной практике. И такой исторический анализ мог бы оказаться весьма полезным средством обострения рефлексии российских специалистов, не привыкших задумываться о вкладе реформ в их профессиональное сознание.

Между тем Маколи обращается к истории для поиска доводов в пользу своей позиции — побуждения государства провести реформу системы правосудия для подростков в сторону декриминализации. Например, идея развивать профессиональные службы вместо общественных инициатив обосновывается тем, что концепция велферизма пустила глубокие корни в сознании специалистов, а общественные организации в России остаются формальными со времен реформ Хрущева. Однако преемственность исторически сложившейся позиции требует иных исследований, например таких, которые осуществляет Сара Фишман (Fishman 2002) относительно истории развития ювенальной юстиции во Франции и которые основаны на анализе документов разных периодов, сопоставления их содержания и истории применения.

ЖАНРОВЫЙ СХИЗИС

Во многом противоречия книги обусловлены неясностью жанра — это независимое исследование или policy paper, обоснованное воззвание к тем, кто в состоянии принимать решение? Совместить оба жанра довольно трудная задача, поскольку собственная независимая позиция полезна именно своей независимостью, а некое продвижение идеи предполагает учет политических интересов. Автор придерживается позиции декриминализации, то есть необходимости вывести работу с подростками, вошедшими в конфликт с законом, из системы уголовного правосудия. Эта позиция — основа действий таких организаций, как ЮНИСЕФ и ЮНЕСКО. И среди современных сторонников модели декриминализации трудно найти не ангажированного этими организациями аналитика. (Вероятно, следовать позиции, которую поддерживают международные организации, — это во многом увеличивать риск оказаться отчужденным от позиции независимого аналитика.)

Получается, что автор заявляет позицию организаций, которые уже пытались реализовать проект в России, но из-за разных обстоятельств потерпели фиаско. При этом автор последовательно критикует несостоятельность многих международных норм, но собственно альтернатива, которая поддерживается международными организациями, критике не подвергается. В то же время Маколи заявляет, что книга представляет ее личную, выстраданную позицию в отношении детей и подростков, вошедших в конфликт с законом. Почему же автор не обращается к критическому анализу модели декриминализации и ее реализации даже там, где эта модель достигла максимального успеха (например, в Новой Зеландии)?

По завершении чтения книги не остается сомнения в том, что Мэри Маколи стремилась написать нечто, полезное для продвижения идеи декриминализации (тем важнее, наверное, было бы представить и опыт критического анализа этой модели). Поскольку автор уповает на сильную власть и возможность продвижения передовых подходов через самый топ политической власти, то и заключение книги адресовано президенту. На последних страницах представлен план политического пиара идеи декриминализации в России: «Предположим, что президент [РФ. — В.Ш.] заявит о готовности закрыть СИЗО и колонии, ВЦСН¹... и специальные школы. Заявит, что предварительное заключение, как и приговоры к заключению, будут применяться в исключительных случаях, только в отношении незначительного меньшинства опасных детей, которые останутся недалеко от дома... Допустим, он поставит перед правительством и обществом задачу найти пути достижения этих целей и подчеркнет, что ожидает проявлений нового мышления... Чтобы обеспечить реакцию министерств и ведомств, он учредит небольшую комиссию, возглавляемую уважаемым судьей

1 В книге, видимо, опечатка. ЦВСНП — Центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей. — *Примечание редактора.*

в отставку и включающую трех-четырёх опытных специалистов, не являющихся сторонниками какого-либо одного подхода. Задача комиссии — от имени президента попросить правоохранные министерства, Верховный суд, прокуратуру, уполномоченного по правам детей, КДН, НКО и специалистов высказать свое мнение... Комиссия суммирует предложения и обсуждения для президента и даст свои рекомендации. Фантазии? Вовсе нет, другие общества смогли осуществить такие преобразования» (с. 200–201). Этот вывод вселяет оптимизм, но, к сожалению, сводит на нет столь нужное во времена реформ критическое мышление.

Книга Мэри Маколи «Дети в тюрьме» дочитана. Вроде говорить о таких проблемах и надо, но остается неприятное послевкусие. Писал ли автор ее в качестве настойчиво вежливого книксена в сторону России с надеждой на реверанс от нее? Если да, то считайте эту рецензию реверансом — правда, только от меня, человека, заинтересованного в том, чтобы отечественная практика интеграции подростков, находящихся в конфликте с законом, улучшилась.

БИБЛИОГРАФИЯ

Dünkel, Frieder. 2004. *Juvenile Justice in Germany: Between Welfare and Justice*. University of Greifswald, Germany. www.rsf.uni-greifswald.de/fileadmin/mediapool/lehrstuehle/duenkel/JuvenileJustice.pdf.

Fishman, Sarah. 2002. *The Battle for Children: World War II, Youth Crime, and Juvenile Justice in Twentieth-Century France* (Harvard Historical Studies no. 142). Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Folbre, Nancy. 1994. "Children as Public Goods." *American Economic Review*, 84(2): 86–90.

Garland, David. 2001. *The Culture of Control*. Oxford: Oxford University Press.

Шмидт, Виктория. 2006. Ювенальная юстиция: от классической модели в неизвестность? // *Вестник восстановительного правосудия* 6: 54–63.

Шмидт, Виктория. 2007. *Опыт интеграции подростков в конфликте с законом: зарубежный опыт*. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия.